

Чжан Юнь

ШЕСТЬ ИМЕН
КОТА-ДЕМОНА

Перевод Ксении Исаевой

фэнтези

МИОО

«Сюй Ани, служанка семьи То, часто призывала кота-демона после того, как вернулась из родительского дома супруги Догу То. Каждый день и каждую ночь она приносила в жертву детенышей зверей, например крыс. Всякий раз, когда кот-демон убивал кого-либо, имущество погибшего чудесным образом оказывалось в доме семьи, которая его призвала. Догу То любил насладиться чудесным вином. Но однажды его супруга заметила, что у них не так много денег, чтобы покупать молодое вино. Тогда Догу То приказал служанке Сюй Ани: „Призови кота-демона, чтобы я искупался в деньгах!“ И Сюй Ани впервые произнесла заклинание».

[Тан] Вэй Чжэн и другие. Книга Суй.
Раздел «Жизнеописание Догу То»

«В период расцвета династии Суй магия призыва кота-демона переживала свой подъем. Во многих дворах собирали старых кошек, чтобы принести их в жертву. В то время слухи распространялись стремительно, и череда ложных обвинений привела к тому, что тысячи семей были истреблены в столице и округах».

[Тан] Чжан Чжо. Истории императорского двора и городов

«Тот, кто призывает кота-демона или обучает магии призыва, будет повешен. Члены его семьи, знающие об этом грехе и хранящие молчание, будут сосланы за три тысячи ли».

[Тан] Чжансунь Уцзи. Уголовные установления
династии Тан с разъяснениями

 Предисловие

Бум! Далеко-далеко отозвался эхом восьмисотый удар барабана уличного стражника.

— Комендантский час! Не выходить! Закрываем все ворота! — прокричал кто-то, надрывая горло. Его возгласу вторил скрип, смутно отозвавшийся в темноте.

Дождь, шелестя, омывал западную часть города. Ноябрь уже вступил в свои права — и трескучий мороз опустился на землю. Луна скрывалась в огромных клубящихся угольных тучах. На землю, словно по невидимым стенам, стекал седой туман, и безмолвный Чанъань утопал в серебристой дымке. Тридцать восемь улиц, испещренных вдоль и поперек кварталами, коих всего насчитывалось сто восемь, погрузились в густую серую пелену. И в этот миг одновременно щелкнули замки всех ворот сразу.

— Если задуматься, то, что произошло, в высшей степени странно...

Эти слова сорвались с губ худого и сгорбленного человека, подбородок которого украшала жесткая короткая борода. Горб его чем-то напоминал верблюжий, именно поэтому его так и прозвали — Верблюд. Он был облачен в коричневый халат с круглым вырезом и плотно прилегающими к худощавому телу рукавами. На спине его висела алого цвета театральная маска, изображавшая окровавленного ракшаса — демона, пожирающего людей. За черный пояс была заткнута длинная флейта с семью духовыми отверстиями. Не совсем было понятно, из чего же был изготовлен гладкий, изящный инструмент, — возможно, флейта была выточена из кости.

Напротив Верблюда сидели семь или восемь человек, чьи лица было совершенно невозможно различить в тусклом свете лампы. Несмотря на то что уже объявили начало комендантского часа, когда запрещено передвигаться по улицам, спрятавшимся под покровом ночи, здесь, в небольшом трактире, скрывшемся в одном из кварталов, люди могли не бояться того, что их схватят и избьют до полусмерти вояки, патрулирующие улицы. Подобные разговоры, что каждый раз случались под покровом ночи, были прекрасным способом хоть немного развеяться после тяжелого дня, проведенного в трудах и заботах. Мужчина, скорее всего, был вусмерть пьян: глаза его подернулись дымкой, а лицо стало белее снега. Кажется, он испугался не на шутку.

— Ты хочешь сказать, что в этом мире, кроме тебя самого, есть и другие... такие же? — прошептал мужчина, опустив взгляд на дрожавшие руки.

— Эй, Верблюд, ты, стало быть, никогда не слышал о двойниках? — усмехнулся один из слушателей — чужеземец.

Голову его венчал черный тюрбан, а одет он был в халат оранжевого цвета с узкими рукавами, под которым красовалась пара штанов, испещренных красными и белыми полосами. Картину завершали черные сапоги с высоким голенищем. Чужеземец был низкорослым и тучным, а его борода цвета бурой ржавчины устилала грудь и колыхалась, стоило ему зашевелиться. Ослабившись, он бросил ехидный взгляд на человека, известного по прозвищу Верблюд.

— Ваньянь, мой уважаемый друг, пожалуйста, не шути так, — попросил Верблюд. Затем он замер, отвернулся и вперил взгляд в окно, за стеклом которого вился белесый туман. Помолчав какое-то время, Верблюд произнес:

— Я говорю о... о... точно таком же... себе!

Все вокруг удивленно вскрикнули.

— Чушь, такого не бывает! Увидеть человека, который точь-в-точь похож на тебя... другого себя... это ли не безумие?! — скептически хмыкнул чужеземец.

Верблюду, казалось, предвидел, что ему никто не поверит, и потому не стал сразу отвечать. Он поднял свою чарку с вином, осушил ее, тяжело опустил на стол и, повесив голову, ответил:

— Я видел другого себя совсем недавно... своими глазами... на обратном пути в...

В комнате воцарилась мертвая тишина. Те, кто жадно внимал словам Верблюда, скрываясь в полумраке, были поражены до глубины души. Даже чужеземца по имени Ваньянь, кажется, эта история заинтересовала. Верблюд обнял себя за плечи и задрожал.

— Вы же знаете, что я кукловод. Каждый день я беру в руки деревянный посох и от зари до заката показываю спектакли, чтобы хоть как-то прокормить себя.

Он склонил голову в другую сторону. Проследив за его взглядом, можно было увидеть деревянную тележку, внутри которой на матерчатом разноцветном покрывале лежали бесчисленные марионетки — маленькие, меньше чем в половину руки, и большие, ростом с настоящего человека. У каждой из кукол были цветастые одежды и казавшиеся настоящими лица. Днем, при солнечном свете, марионетки не казались пугающими. Сейчас, под покровом ночи, в тусклых, белесых лучах ламп черные глазурные глаза кукол, хранящих мертвое молчание, блестели и внушали страх.

Так называемый театр марионеток — это вид театрального искусства, в котором актер использует деревянный посох, чтобы управлять движениями полой внутри куклы. С помощью стержня, соединяющего нижнюю часть шеи с посохом, за который держится актер, можно двигать глазами и ртом. Актер зовется кукловодом или же мастером над марионетками. Он выходит на театральную сцену и рассказывает историю, используя два деревянных стержня, благодаря которым управляет куклой, — это действие называется «поднимать марионетку».

Жители Чанъани знают толк в досуге. Наибольшей популярностью пользуются кукольные представления, а спектакли Верблюда известны тем, что в дополнение к обычному пению,

декламации, сценическому действию и боевым искусствам включают еще и иллюзионные трюки.

— Сегодня вечером мне повезло с работой — мне заплатили много золотых и серебряных монет. Я давал спектакль одному очень знатному уважаемому человеку, поэтому и закончил так поздно.

Плечи Верблюда поникли. Он продолжил:

— Выйдя из особняка, я увидел, что уже почти наступила ночь и идет дождь, потому поспешил вернуться домой, из последних сил толкая перед собой телегу. На улицах не было ни единой души. Перед глазами стояла стена дождя, плотная настолько, что я едва мог различить дорогу. Сначала до меня доносились человеческие голоса с соседних улиц, но в конце концов даже голоса исчезли, и я слышал лишь собственное дыхание и биение сердца. Я миновал ворота Чжуцюэмэнь и двинулся на юг по одноименной улице. Я шел, шел, и неожиданно у меня закружилась голова. Сбившись с пути, я оказался за западными воротами квартала Убэньфан.

Ваньянь пораженно воскликнул:

— Неужто ты забрел на Демонический рынок?!

Верблюд кивнул.

Кто-то спросил:

— Где он находится?

Ваньянь окинул взглядом проявившего любопытство мужчину и остро заметил:

— Полагаю, что вы не местный человек и ничего не знаете о Демоническом рынке. У него нет определенного места. Скорее, это территория за западными воротами квартала Убэньфан. Каждый раз, когда поднимается ветер, горожанам мерещатся доносящиеся оттуда голоса. Осенними и зимними холодными вечерами мне доводилось видеть людей, продающих сухие дрова, и простаки, не знающие ничего о Демоническом рынке, охотно покупали связки. Вернувшись домой, они понимали, что принесли не сухие дрова, а непогребенные кости. Еще я слышал, что некоторые видели двух диких призраков, читающих стихи

в лунную ночь. Один из них декламировал: «Мертвая тишина опустилась на улицы, и громом поющие барабаны замолкли. Опустились кварталы города, лишь свет луны нарушает ночную тьму». Второй призрак ему вторил: «Люди живые, что здесь обитают, рабским трудом утомлены. Воины, что стерегут Чаньянь, высоки, как длинные корни древа Софоры». Иными словами, ночью Демонический рынок превращается в место, куда никто не отважится пойти.

Закончив рассказ, Ваньянь нахмурился и искоса посмотрел на Верблюда:

— Ты же шел на юг по кварталу Чжуцзюэфан, на кой черт ты забрел на Демонический рынок у западных ворот Убэньмэнь?

— И правда, зачем?! Как ты вообще там оказался? Разве южный конец квартала Чжуцзюэфан и западные ворота Убэньмэнь не разделяет площадь квартала Синьдаофан?! — поддержал кто-то Ваньяня.

Верблюд лишь покачал головой в ответ:

— Не знаю... Я понял, куда забрел, только когда оказался там.

Толпа зевак покачала головами. Верблюд тяжело вздохнул и продолжил:

— Я хотел убраться оттуда как можно скорее, но шел сильный дождь. Несмотря на то что мои марионетки были накрыты защитной тканью, все они промокли до единой ниточки их костюмов. Я боялся, что от сырости они испортятся, и потому перестал толкать тележку и укрылся от дождя под молельней святилища Хоу-ту* за западными воротами Убэньмэнь, чтобы переждать непогоду. Уже успела догореть целая курительная

* Хоу-ту — в китайской мифологии божество земли, которого изображали с веревкой в руках. Считалось, что он управляет сторонами света. Его же считали правителем столицы мрака (в загробном мире). В более поздние времена Хоу-ту стал восприниматься как женское божество. *Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.*

свеча, а дождь все не прекращался. Я промерз до костей. Мне казалось, что я вот-вот потеряю всякое терпение, когда из серебристых потоков дождя выехала роскошная, украшенная узорами колесница, которую волочил за собой бык.

Слушатели обменялись недоумевающими взглядами. Верблюд же продолжил свой рассказ:

— На столь великолепной колеснице может передвигаться только кто-то с высоким статусом. Тот, кому тепло даже в самые холодные дни, тот, чьи карманы рвутся от звенящих в них золотых.

Заметив удивленные взгляды людей, Верблюд добавил:

— Меня удивило, что эта повозка возникла словно из воздуха, я не услышал ни звука. И в колеснице той не было никого, кто управлял бы ей... Бык, качаясь на каждом шагу, подошел ко входу в молельню. Он остановился прямо передо мной, и его оцепенелый взгляд пробрал меня до мурашек. Внезапно из колесницы показался человек.

Страх мелькнул в глазах Верблюда, стоило ему это сказать.

— Человек вышел из колесницы, подошел к углу молельни и застыл как вкопанный, не издавая ни звука.

Ваньянь ойкнул и спросил:

— Один человек?

— Один.

— Мужчина или женщина?

— Мужчина.

— Ты смог рассмотреть его лицо?

Верблюд, почесав голову, ответил:

— Было темно, и дождь лил стеной. Тот человек был в нескольких шагах от меня, и в тени молельни я не смог разглядеть его лица.

В комнате снова воцарилась тишина.

— Сначала я подумал, что человек, как и я, просто прячется от дождя, и потому не придавал этому значения. Но потом я задумался... Если у этого человека есть колесница... и он не боится дождя... Почему же он вышел и подошел к молельне?

Я не удержался и посмотрел на него еще несколько раз. Странное ощущение не покидало меня.

— Что за странное ощущение? — поинтересовался Ваньнянь.

Верблюду открыл рот, чтобы ответить, и тут же закрыл его. Наконец он нашел слова и продолжил:

— Я не мог разглядеть его лица, но чем больше я смотрел на него, тем более знакомым он казался: и его внешность, и манера поведения... Будто какой-то знакомый, с которым меня связывали далекие от обычных отношения!

Люди, заполонившие комнату, пристально смотрели на Верблюда, ожидая продолжения его истории. В их глазах искрилось любопытство.

— Я ломал голову, вспоминая всех людей, которых знал, но никак не мог вспомнить этого человека. Но он точно был мне знаком, очень знаком! — Голос Верблюда дрогнул. — Наконец я не удержался, поклонился и задал вопрос...

— А дальше?! — спросил Ваньнянь, затаив дыхание.

— Я задал несколько вопросов, но тот человек не ответил ни на один из них. Он даже не пошевелился. Дождь начал стихать. Я толкнул тележку, намереваясь уйти, но стоило мне сделать шаг, как я услышал позади себя голос мужчины. Он сказал: «Я третий сын из семьи Цюй, живущий во втором доме в Южном переулке в квартале Кайминфан».

Верблюду проглотил вязкую слюну, наполнившую его рот, и сказал:

— Мне было так стыдно в тот момент! Неудивительно, что человек показался мне знакомым. Мы же, оказывается, соседи. Живем в одном квартале! Я усмехнулся и, откланявшись, направился на юг, толкая перед собой тележку. Стоило мне пройти десять чжанов*, как странное чувство охватило меня. Что-то мне показалось неправильным. Я не выдержал и пронзительно закричал!

* Один чжан равен примерно 3,33 м.

— Почему?! — со всех сторон посыпались на него вопросы. Верблюд поднял голову, окинул всех диким взглядом и, широко выпучив глаза, ответил:

— Второй дом в Южном переулке в квартале Кайминфан — это мой дом! Я — старший из братьев, я — третий сын из семьи Цюй!

— Невероятно! Этого не может быть! — тут же загалдели все вокруг.

— Как такое возможно? — недоверчиво спросил Ваньнянь. Верблюд, трясаясь от страха, воскликнул:

— Вот почему меня не покидало странное чувство! Фигура мужчины, его манера поведения и даже тон голоса были точно такими же, как у меня! А когда я обернулся, он уже исчез и колесница тоже испарилась! Это уже совсем ни в какие ворота!

Слушатели, внимавшие рассказу Верблюда, были ошеломлены.

— Раз так, то это действительно странно! — пробормотал Ваньнянь, схватившись за бороду.

— Да что тут странного? В городе Чанъань такое не редкость! Я столкнулся с кое-чем в десять тысяч раз более странным! — возразил чей-то голос. В этот момент в трактир вошел старик, который, расплывшись в широкой улыбке, подошел к столику и сел. На вид ему было лет шестьдесят-семьдесят, а одет он был в черный засаленный халат. Один его глаз был поражен слепотой, а другой выглядел мутным, словно налитое в бочку масло. Громадная черная птица, ворон или хохлатая майна, сидела у него на плече, трепеща крыльями.

— Это же наместник квартала! — воскликнул кто-то из гостей, вскочив на ноги.

Так называемый наместник — тот, кто стоит во главе определенного квартала. Несмотря на то что это незначительный мелкий чинуша, простолюдины все равно должны относиться к нему с уважением. Старик, разминая ногу, поморщился.

— Черт, старость не радость. Когда дует сильный ветер, мои ноги деревенеют и годятся лишь для того, чтобы бросить их в костер вместо поленьев.

— Дядюшка Вэй, вы и правда тоже видели что-то странное? — Ваньнянь налил старику чарку вина.

— Конечно, правда! Я прожил в Чанъани всю свою жизнь и видел несчетное множество странных вещей. — Старик повернулся, чтобы посмотреть на Верблюда, и проскрипел: — Нет ничего удивительного в том, что мальчишка наткнулся на подобное в столь поздний час.

— Что вы имеете в виду? — поинтересовался Ваньнянь.

Старик хмыкнул и сделал глоток вина.

— Ты никогда не слышал о времени демонов?

— О времени демонов? Нет, не доводилось.

— Эх, Ваньнянь! Ты же согдиец! Столько лет уже путешествуешь и занимаешься торговлей, многое повидал... А о времени демонов не слышал? — Старик бросил на Ваньняня укоризненный взгляд.

Ваньнянь слегка усмехнулся в ответ:

— Просветите меня, дядюшка Вэй!

Видящий глаз старика затуманился.

— Так называемое время демонов — это когда Небо и Земля, Инь и Ян меняются местами. В моменты, когда они перевернуты, на землю спускаются демоны, несущие бедствия и недуги. Когда полчища нечистой силы вступают в свои права, небо темнеет, а голова кружится так, что человек не может различить добро и зло, творятся странные вещи. В том числе люди часто встречают демонов и призраков, поэтому это время и называется временем демонов. Оно бывает дважды в течение дня. Первый раз — после наступления сумерек, — объяснил старик.

Все слушали его, затаив дыхание.

— Дядюшка Вэй, вы сказали, что видели нечто в десять тысяч раз более странное, чем видел Верблюд?

— Так и есть! Это случилось перед рассветом.